

Лу Сяофэн обернулся, глядя на его чистые, как вода, глаза и безупречное лицо. Он не хотел заставлять его принимать какое-то решение, но чувства постепенно накапливались, и невозможно было не стать ближе. Он мог быть уверен в своих чувствах к этому человеку перед ним. Это была не только надежда на то, чтобы провести с ним всю жизнь, но и желание делить с ним каждое мгновение, от рассвета до заката. Обе эти вещи он хотел пережить только с ним одним, и поэтому он мог быть уверен, что в его сердце этот человек занимал уникальное место.

Однако Хуа Маньлоу так и не ответил. Он даже не знал, что этот человек, вечно прекрасный, как картина, просто восхищается иллюзорной версией себя или же хоть на мгновение задумывался о том, чтобы провести с ним всю жизнь.

— Что вы двое тут делаете? — раздался мудрый и мягкий голос.

Если бы губы Хуа Маньлоу не оставались неподвижными, Лу Сяофэн мог бы подумать, что это он заговорил.

К сожалению, это был Хуа Маньлоу десятилетием позже.

— Старший брат, как ты вернулся?

Седьмой молодой господин Хуа слегка растерялся, отпустил руку и сжал веер, глядя на своего старшего брата.

Хуа Маньшэ с подозрением окинул их обоих взглядом, снял официальную шляпу и передал её сопровождающему слуге Хуа Чану. Затем он зашёл внутрь, чтобы переодеться в повседневную одежду. Когда он вернулся, Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу уже сидели по разные стороны, потягивая чай. Тонкая атмосфера, которая царила в зале, исчезла, словно он просто придумал её.

— Вы взяли двух маленьких евнухов из Павильона Цюйцзи? — Хуа Маньшэ не объяснил, почему вернулся раньше, а просто задал вопрос.

— Да, — ответил Хуа Маньлоу. — Мы хотели спросить о ситуации в Павильоне Цюйцзи.

— Это правильно.

Хуа Маньшэ кивнул, затем внезапно посмотрел на Лу Сяофэна:

— Кстати, завтра канун Нового года. Не знаю, где вы, великий мастер Лу, планируете праздновать? Всё ли у вас готово для праздника? Если чего-то не хватает, не стесняйтесь сказать. Вы друг Цитуна, так что не будьте слишком скромны.

Слушая это, Лу Сяофэн почувствовал горечь в сердце. Его рука, держащая чашку, сжалась сильнее. Он улыбнулся в ответ:

— Спасибо за вашу доброту, господин Хуа. Я привык к странствиям, и для меня везде дом. У меня нет ни отца, ни матери, и я живу свободно. Одному мне хватает, чтобы прокормить себя. Новый год для меня — обычное дело.

— Хотя это так, но раз уж вы здесь, в нашем доме, мы должны проявить хоть немного внимания. Пусть управляющий подготовит небольшой подарок, который я отправлю с вами к месту вашего проживания.

Старший брат Хуа, несмотря на свою простоту, был человеком, который провёл шестнадцать лет в официальных кругах. Авторитет уже глубоко проник в его кости. Его слова не оставляли Лу Сяофэну возможности возразить.

— Тогда спасибо, господин Хуа.

Поскольку хозяин уже дал понять, что пора уходить, оставаться дальше было бы лишь унижением. Лу Сяофэн сжал подлокотник кресла, поставил чашку и встал, поклонившись в знак благодарности и прощаясь.

Хуа Маньшэ сделал глоток чая, слегка уставше потирая переносицу.

— Подождите!

Седьмой молодой господин Хуа, который до сих пор молчал, вдруг встал. Возможно, он поднялся слишком резко, случайно ударившись о голень. Хуа Маньшэ с нежным укором нахмурился:

— Почему ты такой неосторожный? Что ты хотел сказать? Зачем так спешить?

Лу Сяофэн почувствовал тяжесть в груди. Импульс протянуть руку и поддержать его был погашен словами старшего брата Хуа. Он стоял, глядя на того человека, не говоря ни слова.

— Старший брат, я уже согласился, чтобы брат Лу остался у нас в доме.

Хуа Маньлоу повернулся к старшему брату, и в его голосе звучала непоколебимость.

Хуа Маньшэ на мгновение застыл, не понимая их поведения. Он не был негостеприимным человеком, но в канун Нового года семья должна быть вместе и радоваться. В обычное время он бы вежливо предложил остаться, но сейчас это могло показаться неуместным.

— Почему ты не сказал раньше?

Однако старший брат Хуа был быстр на реакции. Он никогда не шёл против желаний своего младшего брата, поэтому просто продолжил:

— Раз вы уже договорились, то пусть остаётся. Комнаты свободны, великий мастер Лу может выбрать любую.

Лу Сяофэн хотел отказаться. Сейчас он чувствовал лишь горечь в сердце и не знал, как остаться и смотреть в глаза Хуа Маньлоу. Но, увидев, как тот отводит взгляд, он не мог просто уйти, особенно беспокоясь о его ноге.

— Тогда спасибо, господин Хуа. Я побеспокою вас на один день. Завтра у меня встреча с другом.

Хуа Маньшэ согласился, и в этот момент к нему пришли официальные лица, так что он отправился в кабинет для встречи.

Управляющий провёл Лу Сяофэна в южный двор. Перед тем как уйти, он спросил седьмого молодого господина и всё же разместил его в его дворе.

— Господин Лу, это комната молодого господина. Вы можете жить здесь. Её всегда убирают, она чистая.

Управляющий объяснил всё, и Лу Сяофэн поблагодарил его, попросив уйти.

Как и в резиденции второго господина Хуа, двор Хуа Маньлоу всегда был самым тихим и уютным местом в доме. Видно было, что комната и двор были тщательно спроектированы, что показывало, как братья Хуа лелеют своего младшего брата. Подумав об этом, Лу Сяофэн почувствовал, что его настроение улучшилось. Ведь тот, кого он полюбил, был человеком, окружённым любовью. Если он сам не будет любить его больше, чем все они вместе, как он сможет занять самое высокое место в его сердце?

В комнате Хуа Маньлоу всегда стояли различные бутылочки и баночки: эфирные масла, которые он извлекал из цветочной пыльцы, а также дорогие лекарства, которые братья Хуа находили, чтобы порадовать седьмого молодого господина.

Лу Сяофэн долго рылся в шкафу, пока не нашёл бутылку с лекарством для улучшения кровообращения и устранения синяков. Затем он направился во двор старшего брата Хуа.

— Господин Лу, если вы ищете седьмого молодого господина, он в библиотеке.

Хуа Чан поливал вход во двор и крикнул ему, увидев его.

Этот маленький пройдоха. Лу Сяофэн любил таких сообразительных слуг, они были милее, чем Хуа Пин. Узнав, где находится библиотека, он направился туда, но, не успев подняться наверх, издали увидел Хуа Маньлоу, стоящего на балконе второго этажа. Он не читал, а явно размышлял о чём-то своём.

Тихо ступая, Лу Сяофэн поднялся с другой стороны, намереваясь подкрасться сзади и напугать его. Но прежде чем его рука коснулась округлого плеча, он услышал голос, смешанный с вечерним ветром:

— Лу Сяофэн, ты знаешь, на что я смотрю?

Услышав, как он произносит его имя, Лу Сяофэн почувствовал лёгкое щекотание в сердце, словно этот вечерний ветер проник внутрь, неся с собой лёгкое перо.

— Там когда-то росла белая нефритовая лилия.

Хуа Маньлоу указал в сторону сада:

— Когда мне было тринадцать, я какое-то время жил в доме старшего брата. Мне больше всего нравилось сидеть в том павильоне и играть на цитре, глядя на цветы, похожие на снежное море, ведь в Цзяннани снег — редкость.

Лу Сяофэн молча слушал. Хуа Маньлоу не стал бы упоминать это без причины.

— Позже я вернулся в Цзяннань и в письме спросил о нефритовых лилиях. Старший брат подумал, что я скучаю по ним, и приказал пересадить те цветы обратно в Цзяннань.

Лу Сяофэн был поражён — это было чем-то типичным для семьи Хуа. Они скорее были склонны к расточительству, чем к скромности.

— Сначала я был рад, но позже я не смог сохранить их. Они постепенно желтели, умирали, не пережив даже короткого периода цветения, и просто увяли.

В прекрасных чертах лица Хуа Маньлоу промелькнула тень печали.

Лу Сяофэн сразу понял, что он имел в виду. Хуа Маньлоу говорил, что предпочитает хранить свои чувства в себе, чтобы не обременять их. Это была лишь одна из причин. Он больше беспокоился, или даже боялся, что эти чувства постигнет та же участь, что и нефритовые лилии, что они не выдержат испытания временем или обстоятельствами, постепенно поблекнут и исчезнут.

— Я думал, что седьмой молодой господин Хуа — самый смелый человек.

Лу Сяофэн стоял рядом с ним у перил, глядя на тот же пейзаж, и вдруг почувствовал острую мысль.

Хуа Маньлоу понял, что он уловил смысл его истории, и горько усмехнулся:

— Это не просто вопрос смелости. Это ставка, в которой проигрыш может стоить всей жизни, а я не умею играть.

Лу Сяофэн почувствовал, как его грудь содрогнулась — всю жизнь? Он только что услышал это?

— Я помогу тебе сделать эту ставку.

Лу Сяофэн резко повернулся, схватив его руку через бутылку. Она была прохладной, но тёплой:

— Жизнь не так уж коротка, но и не так длинна. Решать сейчас, что будет потом, — это то, в чём никто не может быть уверен на сто процентов. Но ты забыл, кто я? Я — человек с самой большой удачей в мире. Я готов потратить всю свою удачу на эту ставку, и ты, седьмой молодой господин Хуа, обязательно выиграешь.

Хуа Маньлоу улыбнулся, его длинные пальцы обвили Кольцо Феникса, словно он действительно держал всю жизнь этого человека.

<http://bllate.org/book/16229/1458561>